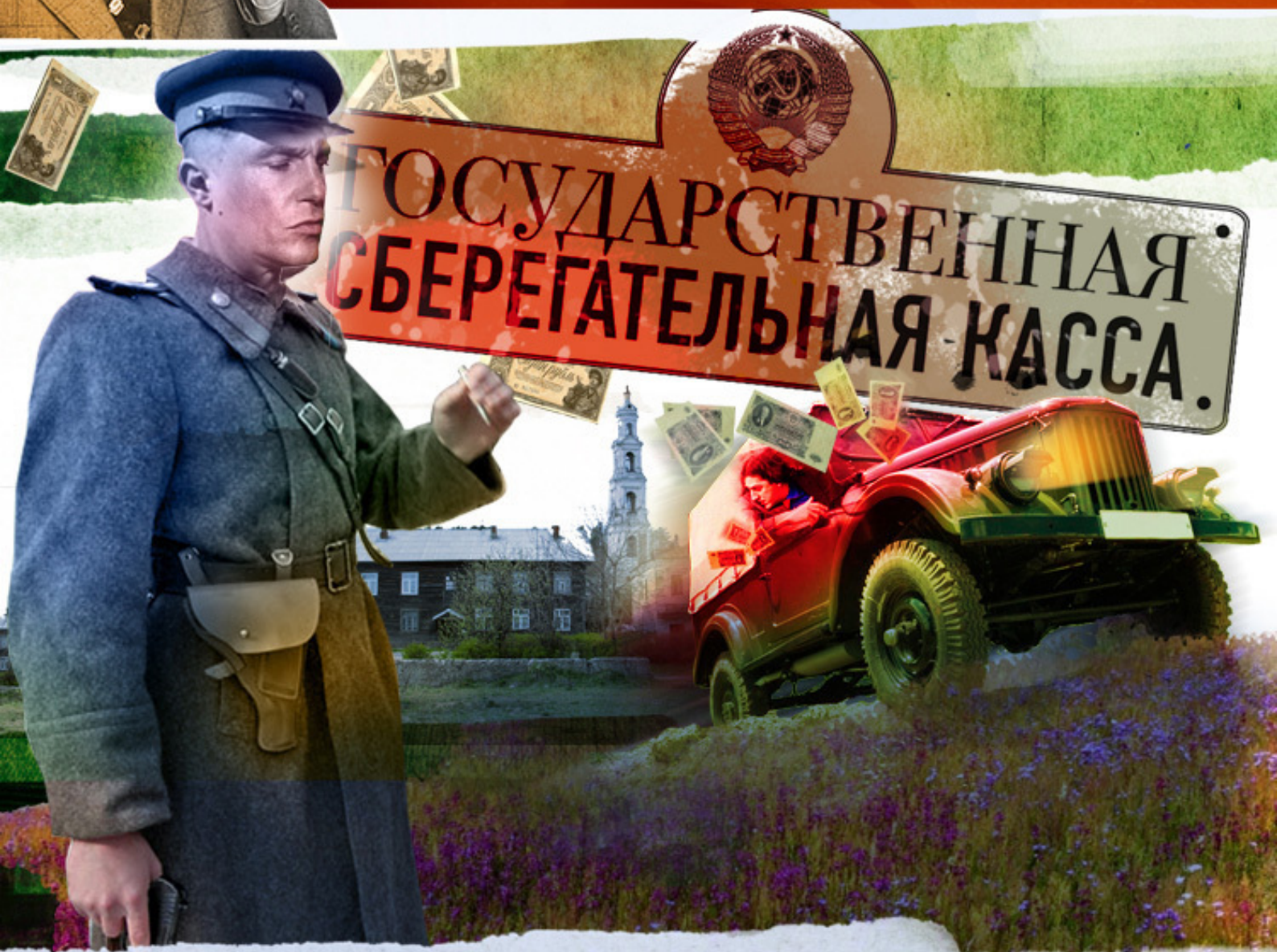

ЭДУАРА ХРУЦКИЙ

101 КИЛОМЕТР

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА

Золотая библиотека детектива

Эдуард Хруцкий

Сто первый километр

«1С-Паблишинг»

1952

Хруцкий Э. А.

Сто первый километр / Э. А. Хруцкий — «1С-Паблишинг»,
1952 — (Золотая библиотека детектива)

ISBN 978-5-6049167-1-1

Москва. 1952 год. Бывший руководитель оперативного управления, Комиссар госбезопасности третьего ранга Игорь Сергеевич Муравьев, с легкой руки тестя – зампреда Совета министров, покидает теплое, но ставшее небезопасным место в идеологической службе МГБ. Отныне он заместитель начальника милиции. И вроде, как и место неплохое, «генеральское» и нужно то оно всего на пару лет, пересидеть, пока все в министерстве успокоится, а беспокойно на душе у генерала Муравьева. По большей части от того, что предстоит ему встреча с бывшими товарищами по работе. Особенно с Даниловым, с которым еще в далеком сорок пятом у него был серьезный конфликт. Но сейчас у Муравьева появился хороший шанс поквитаться с давним противником.

ISBN 978-5-6049167-1-1

© Хруцкий Э. А., 1952
© 1С-Паблишинг, 1952

Содержание

Отступление 1	6
Комиссар госбезопасности третьего ранга И. Муравьев	8
Замначальника УМГБ Москвы полковник Свиридов	10
Данилов	11
Муравьев	18
Данилов и Никитин	20
Данилов и Никитин	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Эдуард Хруцкий

Сто первый километр

© Э. Хруцкий (наследники)

© ИП Воробьев В.А.

© ИД СОЮЗ

Отступление 1

Конверт из МГБ лег на стол личного секретаря Сталина комиссара госбезопасности третьего ранга Поскребышева с вечерней почтой.

На конверте было написано: «Лично товарищу Сталину И.В.». Отправителем письма был подполковник МГБ М. Рюмин. Поскребышев аккуратно вскрыл конверт, прочитал письмо.

Скромный подполковник доносил на своего могущественного шефа – министра государственной безопасности генерал-полковника В.С. Абакумова.

Поскребышев посмотрел на часы. Через пять минут Абакумов должен был появиться в приемной со своим ежедневным докладом вождю.

Конечно, письмо это – типичный донос. И Поскребышев, просидевший всю жизнь в этом кабинете и прочитавший неисчислимое количество подобных бумаг, сам сортировал эти документы.

Одни попадали на стол к Самому, и тогда судьбы людей решались стремительно и страшно, другие личный секретарь Вождя до времени прятал в сейф, иные просто отправлял в органы для проверки.

У Поскребышева не было ни друзей, ни близких, но существовали люди, которым он симпатизировал. Один из них – начальник личной охраны Сталина комиссар госбезопасности Власик.

Они оба были далеки от кремлевских интриг, от закулисной борьбы Берии и Маленкова с другими членами Политбюро. Во-первых, потому, что не вышли чином, во-вторых, они обладали властью тайной, так как пользовались доверием Сталина в той мере, в которой этот больной и мнительный старик вообще мог кому-то доверять.

Абакумов, как всегда, вошел в приемную за пять минут до указанного времени. Высокий, русоволосый, затянутый в безукоризненный мундир, он не здороваясь спросил:

– Примет?

– Сейчас узнаю, Виктор Семенович.

Всесильный министр госбезопасности не внушал Поскребышеву ни страха, ни почтения.

Ему довелось пропускать в кабинет Хозяина почти всех его предшественников: Ежова, Берию, Меркулова.

Секретарь Вождя помнил все данные на любого видного государственного деятеля. И сейчас, глядя, как Абакумов меряет шагами приемную, Поскребышев восстановил в памяти его анкету.

Родился в 1908 году в Москве, русский, член ВКП(б) с 1930 года, отец рабочий, мать уборщица, образование низшее, работал грузчиком на складе Центросоюза, в 1932 году по путевке партии был направлен на работу в НКВД и попал пом. оперуполномоченного в СПО (секретно-политический отдел), там дослужился до оперуполномоченного. В 1939-м назначен по ходатайству начальника СПО Богдана Кобулова начальником Ростовского НКВД.

Тот же в 1940-м двинул Абакумова с помощью Берии в замнаркомы только что созданного НКГБ, а потом его назначили начальником Управления особых отделов РККА, позже переименованного в Смерш. И тут Абакумов совершил главную ошибку. Перейдя в армию, став начальником армейской контрразведки и замнаркома обороны, он решил, что больше не зависит от Берии.

Сталин не доверял никому. Поэтому постоянно тасовал колоду. Так, в 1946-м он убрал Меркулова с поста наркома госбезопасности и назначил Абакумова.

Тогда-то и возник первый серьезный конфликт между ним и Берией.

Абакумов отказался подписать приемо-сдаточный акт. И Берия матерно орал на него прямо в кремлевских коридорах.

Приняв наркомат, а позже министерство, Абакумов начал избавляться от людей Кобулова и Берии, перетягивал в аппарат МГБ сотрудников военной контрразведки. Поэтому возможно, что письмо Рюмина было не просто обычным доносом, а бумагой, инспирированной в окружении Лаврентия Павловича...

– Так примет меня Хозяин? – переспросил Абакумов.

Поскребышев встал и исчез за дверью сталинского кабинета.

Появился он через минуту и сказал:

– Ждет.

Абакумов одернул китель и, словно пловец, прыгающий в ледяную воду, шагнул к двери.

Когда Абакумов уехал, Поскребышев вновь прочитал письмо.

В нем говорилось, что министр госбезопасности вместе со своими приближенными покрывает террористические замыслы вражеской агентуры, направленные против членов Политбюро и лично товарища Сталина, пытается поставить органы госбезопасности вне партийного контроля. Поэтому от ВКП(б) утаивается дело еврейского националиста Этенгера и руководителя антисоветской молодежной организации СДР (Союз борьбы за дело революции), английского шпиона Юдина.

Не оставил без внимания Рюмин и факты разложения и буржуазного перерождения министра госбезопасности. Оказывается, Абакумов присвоил себе трофейное имущество. Разойдясь с первой женой, оставил ей пятикомнатную квартиру в Телеграфном переулке, а в Колпачном оборудовал себе новую, жилой площадью в 300 квадратных метров, для чего 16 семьям из фонда МГБ были выданы квартиры, а на ремонт и благоустройство этой квартиры было истрачено 800 тысяч рублей казенных денег.

Наверное, если бы Поскребышев знал, что Рюмин написал это письмо по собственной инициативе от мелкого страха, опасаясь, что тяжелая рука Абакумова в скором времени выкинет его из следственного кабинета в камеру внутренней тюрьмы, он бы не доложил о нем Сталину.

Но, зная о сложных отношениях Берии и его дружка Маленкова с Абакумовым, он посчитал, что письмо инспирировано ими.

Поскребышев сунул его в папку самых важных документов и положил на стол Сталину.

Судьба Абакумова была решена. 4 июля его отстранили от работы, а 12 июля арестовали.

Новым министром госбезопасности был назначен С. Д. Игнатьев, пришедший на этот пост с партийной работы. На беседе со Сталиным он честно признался, что незнаком с чекистской наукой.

На что Сталин сказал ему:

– Научись. Твое дело искоренять врагов, проводить линию партии и точно выполнять указания.

Берия немедленно посадил к новому министру двух советчиков: братьев Кобуловых, Богдана и Маяка.

Началась чистка органов.

Комиссар госбезопасности третьего ранга И. Муравьев

МОСКВА. ИЮЛЬ 1952 ГОДА

Он приказал шоферу остановиться на шоссе. Раньше, несколько лет назад, он приезжал на дачу в Раздоры, шел по дорожке в густых зарослях орешника к дому.

Теперь дача у них была на берегу реки, над самым откосом. Она нынче полагалась его тестю по рангу. Фролов стал генерал-полковником и зампредом Совета министров, курирующим оборонку.

Квартира у них тоже была новая. В пятом Доме Советов, как когда-то называли правительственное обиталище на улице Грановского, Игорь с Инной и дочкой жили вместе с тестем и тещей в огромной десятикомнатной квартире. Она была настолько большой, что встретиться в ней можно только по предварительному стовору.

Вообще, жизнь Муравьева складывалась как надо. В далеком сорок пятом он получил сразу две должности: сначала замначальника, а затем начальника ОББ и досрочно звание подполковника.

А в сорок шестом, когда Абакумов забрал милицию в систему МГБ, он перешел на работу в грозное министерство и получил полковничьи погоны.

Он попал в оперативное управление, обеспечивающее работу Особой следственной части.

Что и говорить, плохая это была служба. Поганая. Но тесть опять помог, и его отправили советником службы безопасности сначала ГДР, а потом Польши.

В пятьдесят первом он вернулся на генеральскую должность в идеологическую службу МГБ. То есть в подразделение, ведущее оперативную работу среди интеллигенции.

Так Игорь получил генеральские погоны и достаточно непыльную и комфортную службу. С писателями, актерами, учеными, священнослужителями проводить опермероприятия и разработки было несложно и даже приятно.

Если в особой следчасти ему самому приходилось ездить на обыски и задержания, то теперь он разрабатывал ювелирные комбинации, встречался с агентурой, чьи фамилии знала не только вся страна, но и Европа.

Но после ареста Абакумова в министерстве постоянно происходили пугающие перемены. До их службы пока карающая рука Сталина не дотянулась, тем более что «план» по раскрытию заговоров идеологических диверсантов выполнялся и перевыполнялся.

Но не чувствовал Игорь себя спокойно, совсем не чувствовал.

Об этом с ним сегодня и начал разговор тесть.

Они сидели на террасе, повисшей над обрывом у реки, и пили чай.

– У вас положение в конторе пока неустойчивое, – сказал Фролов. – Я сегодня на заседании Совмина с Семеном Даниловичем пошептался...

– С Игнатьевым? – спросил Игорь.

– А у вас в конторе еще один Семен Данилович есть? – засмеялся тесть.

– Если покопаться, то найти можно.

– Найти все можно, главное, чтобы вопросы решал. – Фролов закурил.

– Ну и что? – Игорь тоже полез за папиросами.

– А вот что. Ситуация в министерстве сложная, генерала ты получил, Европу поглядел, пойдешь обратно в милицию.

– Как так?

– А очень просто. Должность замначальника московской милиции освободилась. Место генеральское, пересидишь пару лет, все успокоится, и уйдешь обратно, но на хорошую должность.

– Неужели так плохо у нас? – Игорь внимательно посмотрел на тестя.

– А ты сам не видишь, что в МГБ творится?

Игорь видел и знал много такого, чего не видел его сановный тесть. Но уж больно не хотелось возвращаться в милицию, хотя должность была высокой и значительной.

В МГБ он один из многих генералов, а в управлении – хозяин.

Последнее время он начал получать удовольствие от возможности распоряжаться чужими судьбами. Должность замначальника столичной милиции открывала для этого большие возможности. Одно только неприятно, что придется сталкиваться с бывшими товарищами по работе. Особенно с Даниловым, с которым еще в сорок пятом у него произошел серьезный конфликт.

Когда вся Москва с ужасом говорила о банде «Черная кошка», Муравьев вышел на ее организаторов.

8 декабря 1945 года в доме номер 8 по Пушкинской улице при попытке совершить квартирную кражу ребята Муравьева задержали Попова, Шнейдермана и Иванова, а потом установили, что «банда» эта состояла из учеников ремесленного училища № 4.

Они кровью подписали текст клятвы и даже татуировку на руке сделали в виде кошки.

Но вся Москва передавала изустные истории о налетах этой «страшной банды», многие уголовники пользовались ее атрибутикой для устрашения. Партийные власти требовали обезвредить опасную бандгруппу. И тогда Муравьев написал справку по делу, пристегнув к пацанам несколько кровавых налетчиков, и через голову руководства МУРа отослал ее в горком партии. Вот после этого они и схлестнулись с Даниловым. Иван потребовал снять Муравьева с должности. Но кишка у него оказалась слишком тонкой. Игорь ушел в МГБ.

Второй раз они схлестнулись в Польше, куда Данилов приехал помогать Варшавскому уголовному розыску. Но теперь у Муравьева было больше прав. Он просто порекомендовал послу отправить Данилова в Москву. К рекомендациям МГБ прислушивались свято. И Данилов уехал из Варшавы. Правда, его наградили и провожали с почетом, но ни нового звания, ни более высокой должности он не получил.

Что ж, Иван Александрович, посмотрим, как теперь вы попрыгаете.

Замначальника УМГБ Москвы полковник Свиридов

Папочку с разработкой на Данилова положили ему на стол в восемнадцать часов.

Свиридов прочитал три подшитые в дело бумажки и крепко задумался. С одной стороны, ничего особенного здесь не было. Ну подумаешь, пришел к нему домой отпущенный из лагеря на поселение бывший коллега по работе, бывший подполковник Муштаков.

Находиться в Москве он имел право сутки, которые и использовал.

Из лагеря Муштаков был освобожден по окончании пятилетнего срока, и место жительства ему определили сто первый километр.

Кажется, все ясно.

Но в рапорте замначальника и начальника политотдела московской милиции Сажина было подано это как связь с врагом народа.

На основании этого заключения Свиридов должен был дать резолюцию о возбуждении уголовного дела по статье 58–4. Конечно, все это липа. И Свиридов прекрасно это знал. Он работал с Даниловым с сорок четвертого года. Они вместе ловили бандитов, пили водку, даже налево бегали. Свиридов всегда считал Данилова честным и хорошим.

То, что он приютил на ночь своего товарища, тем более что Муштаков, писавший хорошие рассказы, часто общался с писателями и журналистами и был арестован на основании агентурного донесения вместе с пятью литераторами за то, что один из них рассказал по пьяни не тот анекдот, опасности для страны не представляло, это было ясно.

Но кому-то необходимо избавиться от Данилова, и Свиридов догадывался кому.

Он взял папку и поднялся к начальнику управления Макарьеву.

Комиссар выслушал его, усмехнулся и ткнул пальцем в сажинскую писульку:

– Видишь, он пишет: «...находясь за границей, вывез в СССР буржуазную идеологию...»

– Он пулю из Польши вывез, это я точно знаю.

– Так что ты от меня хочешь? Милицию курируешь ты, решай сам. Но помни: от таких бумаг так просто не отрещиваются.

– Я думаю, – Свиридов сделал паузу, – пусть обсудят на партсобрании, выговор закатают и пошлют на понижение за потерю бдительности. Состояние преступности в городе и области аховое, и лучшими кадрами разбрасываться нельзя.

– Меня сегодня Игнатъев во все дырки имел, – Макарьев встал, – когда покончим с уголовниками в Москве и области? Сука Абакумов, Гиммлер новоявленный.

– Почему Гиммлер? – удивился Свиридов.

– А потому что покойный рейхсфюрер криминальную полицию забрал в СД. И у него, как и у нас, часть полицейских носили звание службы безопасности, а другие были аттестованы по полиции. Я об этом Игнатъеву сказал и пояснил, что мы врагами занимаемся, а МВД всегда воров ловило. Он обрадовался и говорит: «Готовь справку, передадим милицию Круглову, пусть у него в Политбюро штаны снимают». И кстати, приказал поощрить сотрудников, которые бриллиантовое дело подняли.

– Так им же Данилов занимался.

– Вот именно, – Макарьев засмеялся, – позвони этому Сажину и скажи, что сам Игнатъев велел Данилова поощрить. Понял?

– Понял.

– Действуй. А Данилову скажи, чтобы осторожнее был. Да, ты знаешь, что первым замом московской милиции назначен комиссар госбезопасности Муравьев?

– Нет.

– Приказ сегодня подписали, а у них с Даниловым не самые шоколадные отношения.

Данилов

МОСКВА, АВГУСТ 1952 ГОДА

Сначала он не понял, что так развеселило двух пацанов и девочку с трехколесным велосипедом, потом опустил глаза и увидел, что рядом с ним на лавке суетились юркие, как карманники, воробьи и клевали пирожок с ливером, который он держал в руках.

Действительно, картина странная: сидит на лавочке полковник милиции в белом кителе и кормит воробьев. О пирожке Данилов забыл, купил его автоматически, выйдя из трамвая у кинотеатра «Смена», вспомнил, что с утра ничего не ел.

Неудобно было идти к бывшему начальнику совсем оголодавшим. Поэтому он купил этот чертов пирожок. Сел на скамейку, откусил и забыл о нем.

Так и сидел Данилов в сквере на Тишинской площади с недоеденным пирожком в руке. Не до него ему было, совсем не до него.

Он поднял руку, и воробьи разлетелись. Один, особенно наглый, на лету клюнул еще раз, сел неподалеку и наклонил голову набок, словно говоря: «Сам не ешь, так дай другим». Данилов раскрошил пирожок и бросил его воробьям. Потом вытер платком замасленные пальцы и закурил.

На Тишинском рынке уличный репродуктор бодро вещал об очередной победе колхозников Костромской области, звенели трамваи, в сквере мамы и бабушки возили по аллеям коляски, бегали похожие на воробьев пацаны. Данилов курил, заново переживая вчерашний день.

* * *

Он начался как обычно. С утра ему докладывал Никитин по поводу ограбления квартиры народного артиста Марка Рейзена, потом он вызвал двух начальников отдела, и они говорили о дерзких налетах на магазины.

Данилов подписывал какие-то бумаги, беседовал с новым сотрудником, стараясь закончить все дела к началу сегодняшнего партсобрания.

В МУРе теперь был новый начальник – комиссар милиции Кошелев, с ним у Данилова сложились прекрасные рабочие отношения.

А старый друг, бывший начальник, ушел в министерство, стал заместителем в ГУУРе.

Вчерашний день не предвещал никаких особенных сюрпризов. Кошелев уехал на два дня в командировку, и Данилов остался на хозяйстве.

Семь лет он был замначальника МУРа, семь лет ходил в полковниках, хотя многие его товарищи носили серебряные комиссарские погоны.

Но Данилов как-то не думал об этом. Слишком много работы было у него. В сорок седьмом он почти год прожил в Варшаве, помогая польским коллегам в организации службы криминальной полиции.

В сорок девятом уехал с Наташей на год в Болгарию советником при Софийском уголовном розыске.

Много чего случилось за эти семь лет. Увеличилась орденская колодка: получил он «Знак Почета», одним из первых был награжден медалью «За отличие в охране общественного порядка», за работу в Варшаве – польский крест «За заслуги» и медаль. Болгары порадовали его орденом «9 сентября 1944 г.».

Данилов уезжал в командировки, но аккуратно возвращался на старую должность, хотя остальные шли на повышение.

Но он не жалел об этом. Надеялся, что когда-нибудь станет начальником МУРа, в котором проработал почти всю жизнь.

Многое случилось за эти годы. Погиб в сорок седьмом Сережа Серебровский. Его с несколькими оперативниками окружили в деревне под Бродами бандеровцы. Хотели взять живым. Сережа отстреливался, а последний патрон приберег для себя. Так погиб его ближайший друг, веселый и отважный человек. Год всего покрасовался он в брюках с лампасами.

Сережа Белов в сорок шестом ушел из милиции, окончил аспирантуру, защитил диссертацию, теперь работает преподавателем в юридическом институте.

Умер от сердечного приступа верный шофер Быков, схоронили его на Ваганьковском, рядом с могилой Вани Шарапова...

– Дяденька!

Детский голос разорвал хрупкую ткань воспоминаний. Перед Даниловым стоял коротко стриженный пацан в сатиновых шароварах и майке.

– Тебе чего, сынок?

– Сколько время?

Данилов по привычке хотел ответить: «Пятнадцать тридцать», но спохватился и сказал:

– Полчетвертого.

– Спасибо.

Пацан опрометью помчался, режа сквер наискось, к кинотеатру «Смена».

А у него оставалось еще полчаса до встречи со старым другом. Предстояли не просто посиделки за рюмкой водки, а серьезный разговор, который должен определить дальнейшую жизнь Данилова.

И все случилось вчера. Внезапно и жестоко. Словно чья-то злая рука перечеркнула сразу всю его жизнь.

Там, в прошлом, остались его работа и заслуги. А в настоящем практически ничего.

* * *

Партсобрание начиналось в семнадцать часов, Данилов закончил дела на пятнадцать минут раньше и вышел в коридор.

– Иван Александрович, – подошел к нему Самохин, – мне Витька Теплов – он же член парткома – только что сказал, что на вас телегу катят.

– Какую телегу?

– Не знаю, Иван Александрович, но будьте готовы. Сегодня новый первый зам московской милиции назначен.

– Кто?

– Комиссар госбезопасности третьего ранга Муравьев.

– Игорь?

– Это он раньше Игорем был, а нынче – Игорь Сергеевич.

Собрание началось обычно. Сажин, который тоже носил генеральские погоны, зачитал обычный доклад о заботе Вождя, которую он проявляет к органам, и о потере бдительности некоторыми сотрудниками управления.

В прениях отбарабанили свои выступления несколько штатных ораторов. Говорили о бдительности, которая стала оружием в их повседневной жизни, о чистоте чекистских кадров, о происках англо-американского империализма, о кровавой клике Тито – Ранковича.

Данилов сидел во втором ряду и рассматривал президиум. Игорь Муравьев выглядел весьма авантажно. Судя по всему, он давно уже привык к подобным заседаниям и к своей роли в них.

На людей, сидящих перед ним, он не смотрел, хотя глядел в зал. Он уже усвоил руководящий взгляд – поверх голов, словно перед ним никого не было.

После прений сделали перерыв, и все радостно побежали курить.

К Данилову подошел Никитин:

– Они вас, Иван Александрович, размазать хотят. Но мы, опера, выступим за вас.

– Поверь, Коля, я об этом ничего не знаю. – Где-то внутри появилось сосущее чувство.

И Данилов почему-то вспомнил, как на таком же собрании исключали из партии и выгоняли из органов Володю Муштакова.

После перерыва опять взял слово Сажин:

– Мы, товарищи, сегодня много и хорошо говорили о бдительности, о той роли, которую выполняем мы, партийцы, чекисты, в трудных условиях борьбы с мировым империализмом и поджигателями войны. Но есть в наших рядах такие, кто запятнал наше гордое имя, пошел на поводу у врагов.

Сажин сделал паузу. Зал замолк. Слишком уж страшные слова сказаны были с трибуны, обитой ярким кумачом.

Кое-кто в зале помнил, что точно так же начинались подобные собрания в предвоенные годы. Они заканчивались трагически для людей, сидящих в этом зале.

– Я повторяю, – продолжал Сажин, – пошедшие на поводу у наших врагов. Я говорю о полковнике Данилове.

У Данилова внутри что-то оборвалось. Горячая волна набежала на лицо. Но длилось это ровно секунду, а потом пришло спокойствие. Так всегда было с ним в самых сложных ситуациях.

А Сажин продолжал говорить о высоком доверии, о его орденах, о загранкомандировках, откуда он привез тлетворный западный дух. О дружбе с морально неустойчивым Сергеем Серебровским, о враге народа Володе Муштакове, которого на одну ночь приютил Данилов.

Закончил Сажин по-актерски лихо:

– Ну, что же ответит нам полковник Данилов?

Данилов встал и через каменно молчавший зал пошел к трибуне.

– Отвечайте с места, полковник, – резко приказал Муравьев.

Данилов повернулся к залу и сказал:

– В партию большевиков я вступил в девятнадцатом году. Рекомендацию мне давал товарищ Дзержинский. Что касается моей дружбы с Сергеем Серебровским. Он был моим другом, и память о нем навсегда останется со мной. Хочу напомнить, что он героически погиб. Отстреливался до последнего патрона, а последний пустил себе в висок. Не получили бандиты комиссара милиции.

– А зачем он в эту деревню поехал? – выкрикнул с места Сажин.

– Бандитов ловить, – коротко ответил Данилов, – конечно, он мог отказаться, попасть, например, в госпиталь с аппендицитом.

– На что вы намекаете? – взвизгнул Сажин.

– А вы на меня, комиссар, не орите, – так же спокойно сказал Данилов, – не надо. Я человек пуганный. Теперь о том, что я вывез из спецкомандировки. Насчет вражеской идеологии не знаю и дело шить себе не позволю, а вот две пули вывез – это точно.

– Ну а как понять, – Сажин хлопнул ладонью по столу, – ваши костюмчики, галстуки, посещение ресторанов?

– А это как хотите, так и понимайте. Я лично не вижу ничего зазорного в том, что человек хорошо одевается и ходит в ресторан. Теперь о главном. Об утере мною бдительности. Да, позвонил мне Володя Муштаков. Мой товарищ по работе. Ему переночевать негде было. Я пригласил его к себе. Он освобожден, но получил «зону сотку». Да, я помог нашему товарищу и, если будет нужно, опять помогу.

Данилов сел.

– Какие будут суждения, товарищи? – лениво, врасстяжку произнес Муравьев.

– Я хочу сказать. – Никитин вскочил, оправил гимнастерку.

– Прошу, майор Никитин.

– Я так скажу. Данилов – настоящий чекист. Многим у него поучиться надо. Кстати, вы, товарищ Муравьев, у него и учились. Я товарищу Данилову верю. Видел, как он под бандитские пули шел, и думаю, многие наши оперативники меня поддержат. А что касается бывшего подполковника Муштакова, то теперь он свободный человек, и я сам бы ему помог, чтобы он на ноги встал.

– Все у вас? – холодно спросил Муравьев.

– Нет, товарищ комиссар, – насмешливо ответил Никитин, – есть кое-что, но я уже после вас выступлю.

Муравьев говорил густо, начальственно. Он вспомнил заслуги Данилова, но припомнил ему массу ошибок.

– Быть хорошим оперативником еще не значит, что можно стать политически грамотным руководителем. Я много лет работал с полковником Даниловым и видел, что не созрел он политически, морально не готов к решению тех задач, которые товарищ Сталин ставит перед нами, чекистами. Вот поэтому и прекратился служебный рост Данилова. А сейчас он не разобрался в Муштакове. Старая дружба для него выше, чем наши идеалы. И нам, большевикам-чекистам, самим решать, что делать с ним.

Потом было всякое. Сажин предложил исключить его из партии. Зал провалил это предложение.

Потом Никитин сцепился с Муравьевым и высказал ему все насчет его погон и орденов.

А потом выступил незаметный человек, сидевший в последнем ряду президиума. Это был секретарь парткома УМГБ Москвы и области.

– Не преступление совершил наш товарищ Данилов, а проступок. Вот давайте и будем решать, – закончил он.

И они решили – строгий выговор с занесением, освободить от работы и направить в распоряжение управления кадров.

Вот поэтому сидел Данилов в скверике у Тишинского рынка и вспоминал то самое собрание.

Завтра он должен был явиться в управление кадров, а сегодня встречался со старым другом.

До назначенного времени осталось пять минут, Данилов встал и пошел к дому.

* * *

Все семейство начальника было на даче, поэтому квартира казалась гулкой и пустой.

– Ты, Иван, иди в столовую, там прохладнее, балкон открыт. Воздух. А я сейчас соображу закусить.

– А зачем в столовую? – мрачно сказал Данилов. – Мы с тобой опера, наше место на кухне.

– Как знаешь, я хотел как лучше.

Начальник был в стоптанных шлепанцах, в генеральских брюках с голубыми лампасами и летней трикотажной рубашке.

Крепкий животик выпирал из-под ремня, и Данилов вспомнил, как начальник во время войны радовался, что похудел сразу безо всяких диет.

– Ты снимай китель-то, а то мне придется мундир натягивать. Ты, Ваня, официальный очень.

Данилов снял китель, пошел в ванную, вымыл руки, сполоснул лицо. Причесался. Из темной бесконечности зеркала глядело на него осунувшееся, словно больное лицо. Голова практически стала бело-стальной. Когда после собрания он пришел домой, Наташа посмотрела на него и заплакала.

Вечером, поздно, Данилов сказал, что хочет прогуляться, и вышел на Патриаршие пруды. Они теперь жили в новой квартире, дом на Пресне снесли, там строили нечто грандиозное.

Уходя, Данилов сунул в карман брюк бутылку коньяка, а в пиджак – раскладной стаканчик, привезенный из ГДР. Выпить хотелось очень, но испытывал он какое-то странное чувство неловкости перед Наташей.

Он только вышел из арки, как в телефоне-автомате увидел Никитина.

И Колька его увидел и выскочил из душевой кабинки:

– А я вам собрался звонить, Иван Александрович.

– А чего?

Данилов вспомнил тихую Колькину комнату, уютный Столешников за окном.

– Так в чем дело, – заржал Никитин, – пошли к пруду.

– Закуски, правда, нет.

– Это как же нет, – Никитин вытащил из кармана сверток, – специально в Елисейском взял. Ветчина со слезой. Думал, у меня посидим.

Они прошли к закрытому лодочному павильону, сели на ступеньки.

У Никитина и газетка нашлась.

По первой выпили молча. Зажевали ветчиной.

– А я из МУРа ушел, – сказал Никитин.

– Это как же? – удивился Данилов.

– Да очень просто. Вызвал меня после партсобрания Муравьев и начал учить жить. Я ему и сказал все, что о нем думаю.

– Все сказал?

– Все.

– Тогда давай еще по одной.

Наташа вышла на балкон и сразу же увидела мужа, сидящего с кем-то на ступеньках у пруда. Он ничего не говорил ей, но она все знала. Знала и молчала – не хотела расстраивать его...

* * *

– Ты чего застрял? – крикнул начальник. – Давай, Ваня, крошки похлебаем.

За столом он, выпив рюмку, пожевал помидор и сказал:

– Ты, Иван, должен знать все. После ареста Абакумова началась чистка органов. На тебя хотели уголовное дело завести, да Свиридов его поломал. Игнатьев с Хрущевым виделся, сказал, что не все хорошо в московской милиции. А тот ответил: «Список дайте, я подпишу». Вот такие дела. Считай, что отделался легко. Тебя хотели старшим опером в 10-е отделение назначить, а звание привести в соответствие с должностью. Очень Сажин и Муравьев старались сделать тебя капитаном. Отбились мы. Поедешь в райцентр на сто первый километр начальником уголовного розыска в райотдел. Должность майорская, оклад соответственный, но звание мы тебе сохранили. Кстати, знаешь, кто там начальник?

– Нет.

– Твой давний знакомец Ефимов.

– Ефимов... Ефимов...

– Он в сорок втором участковым был, когда вы дело убитого предколхоза поднимали.

И Данилов вспомнил высокого бравого парня, из бывших фронтовиков, списанных в тыл по ранению. Вспомнил, как тот радовался, когда ему за операцию против банды Музыка дали звание старшины.

– Он, когда узнал, что ты едешь к нему, от счастья чуть не уделался. Территория у него тяжелая, «зона сотка». Все уркаганы там. Мы думаем, что большинство московских разбоев готовится именно в этом районе. Кстати, это и было наше обоснование перед начальником ГУМа¹. С кем вчера на пруду водку ночью жрал?

– Кто стукнул? Что, меня пасут?

– Пасут... – Начальник лихо опрокинул рюмку. – Пасут. Тоже мне, коронованная особа. Наташа тебя с балкона срисовала.

– А мне ни звука. – Данилов выпил.

– И правильно сделала. Теперь тебе еще один сюрприз. Ты вчера с Никитиным пил?

– Предположим.

– С ним. Значит, знаешь, что его из МУРа турнул твой воспитанник?

– Знаю.

– Принимая во внимание сложную оперативную обстановку в Московской области, мы его тоже откомандировали в райцентр. Запом к тебе.

– Вот спасибо.

– Помни, должность замначальника райотдела по оперработе вакантна, через месяц-другой постараемся тебя проташить на нее. Областное управление согласно, но считают, что ты должен пару месяцев повкалывать на земле.

МОСКВА. ТЕМ ЖЕ ВЕЧЕРОМ

«Московское время девятнадцать часов сорок минут, – проговорил маленький приемник на директорском столе. – Передаем песни советских композиторов».

Сладкий тенор Ефрема Флакса заполнил маленький кабинет директора:

*По мосткам тесовым вдоль деревни
Ты идешь на тонких каблучках.*

Пора. Скоро инкассаторы приедут. Выручка сегодня хорошая. Спасибо, что шевиот недорого подкинули и габардин Можайской фабрики. Со всей Москвы покупатели понаехали.

Значит, план будет. И соответственно – премия. Правда, те, кто радостно выходят из магазина с отрезами, наверное, никогда не узнают, сколько башлей он, Семен Гольдман, отвез в торг и на базу.

Сволочи. Не дают честно торговать. Чуть что – ОБХСС его, Гольдмана, возьмет за задницу и в Таганку. А они будут спокойно сидеть в своих кабинетах, выступать на партсобраниях и брать башли у новых дураков.

Гольдман зашел в бухгалтерию. Главбух Анна Николаевна и хорошенькая кассирша Верочка сортировали деньги.

– Уже два недельных плана сделали, – подняла голову Анна Николаевна, – а торговля идет вовсю.

– Хорошо бы, девочки. Хорошо бы. Давайте я вам помогу.

Гольдман снял пиджак и уселся за стол.

А в торговом зале ажиотаж поутих. Покупателей оставалось человек двадцать.

Внезапно в магазин вошли трое.

– Всем оставаться на местах, – скомандовал один и вынул пистолет. – Мы из МГБ.

¹ Главное управление милиции МГБ СССР – Прим. авт.

Люди замерли. Кассирша, получавшая деньги, выронила купюры.

Один из вошедших закрыл дверь, повесил табличку «Закрито».

– Всех попрошу пройти в подсобное помещение, – скомандовал старший.

Видимо, люди из МГБ хорошо знали планировку магазина. Они быстро загнали покупателей, продавцов и кассиршу в подсобку и заперли там на ключ.

– Вам кого? – удивился Гольдман, увидев в дверях бухгалтерии посторонних людей. – Сюда нельзя, товарищи. Это служебное помещение.

– Давай деньги, жиденок! Ну!

Гольдман увидел пистолет, попятился, загоразивая женщин и стол с деньгами:

– Это народные... Вы не смеете...

Один из бандитов оттолкнул его, и директор отлетел к стене, больно ударившись спиной об угол сейфа. От боли на несколько секунд он потерял сознание, а когда пришел в себя, то увидел, как бандиты укладывают в чемоданчики пачки денег.

Гольдман был человеком тихим, трусливым даже. Он постоянно боялся всего: начальства, ревизоров из торгова, ОБХСС, соседей.

Но он увидел, что сейчас унесут деньги, и понял, что отвечать будет он – перед торгом, ревизорами, ОБХСС, и этот страх сделал его решительным и сильным.

Гольдман вскочил и табуреткой – откуда силы взялись – ударил одного из нападающих по голове.

Один из бандитов поднял руку с пистолетом, но Гольдману было уже все равно, он бросился на него.

Грохот. Что-то сильно ударило его в грудь у самого сердца, и надвинулась темнота.

Муравьев

Начинался первый акт второго действия. Занавес поднялся, и на сцене вновь была комната в доме покойного капитана Железнова, и жена его Васса вышла из больших белых дверей...

– Товарищ комиссар.

Муравьев оглянулся, рядом с его креслом стоял милицейский майор.

– В чем дело? – недовольно спросил Игорь.

– Вас к телефону срочно.

– Кто?

– Замминистра Кобулов.

Игорь встал и пошел к двери.

В комнате администратор почтительно поглядел на него, отметил, что большой начальник – молодой и красивый, и деликатно вышел.

– Муравьев.

Трубка молчала.

Потом казенный голос произнес:

– Ждите.

– Ну, как спектакль?

– Нормально, товарищ генерал-полковник.

Опять тишина, и потом чуть с кавказским акцентом его спросили:

– Театр любишь? Да? Мы зачем тебя в милицию послали, а? Молчишь? Укреплять ее чекистским авторитетом. Абакумовский сор вымести. А ты что делаешь, а?

Игорь молчал.

– Пока ты по театрам ходишь, бандиты людей убивают и магазины грабят. Разберись на месте и доложи.

– Слушаюсь.

Но этого Кобулов уже не слышал: он бросил трубку раньше, чем Муравьев ответил.

– Налет на магазин номер 69 в Кутузовской слободе, – сказал за его спиной чей-то голос.

Муравьев оглянулся и увидел давешнего майора.

– Вы кто, собственно, майор?

– Майор госбезопасности Соловьев, ваш порученец.

– Давно вы мой порученец?

– С шестнадцати часов.

– Машина?

– Ваша у подъезда, для Инны Александровны транспорт вызовем.

– Спасибо. Отвезешь ее домой – и ко мне.

– Есть.

И пока он ехал в машине к далекой Кутузовской слободе, он думал о том, что нужно сделать все, чтобы вернуться обратно в центральный аппарат МГБ, к легкой работе с перепуганными мастерами культуры, которые так охотно шли на контакт с чекистами.

Грязная, неблагодарная работа сыщика была уже не для него. Пусть эту грязь выгребают другие. Такие, как Данилов, Никитин, Самохин. Вот Сережка Белов ушел из угрозыска, говорит, над докторской работает.

Нет, это не для него. Стать генералом для того, чтобы тебя из театра дергали? Увольте.

Но все же он был опером. И неплохим. Умел зацепить, умел размотать. С агентами работало умело. Ну что ж. Надо показать бывшим коллегам, что он еще не разучился работать.

У дверей магазина стоял милиционер. Увидев генерала, он судорожно рванул руку к козырьку.

Муравьев бросил небрежно пальцы к козырьку, вошел в услужливо открытую дверь.

В торговом зале оперативники допрашивали перепуганных покупателей, плакала кассирша, эксперты искали отпечатки.

К Муравьеву подошел Самохин. Он теперь был начальником отдела, занимавшегося вооруженными грабежами.

– Товарищ комиссар... – начал он.

– За что можно уцепиться? – перебил его Игорь.

– Только приметы.

– Собака?

– Потеряла след в проходных дворах, потом взяла и привела на пустырь.

– Много взяли?

– Девяносто семь тысяч шестьсот сорок рублей.

– Прилично. Три дачи можно купить.

– Взяли три дорогих отреза на мужские костюмы.

– Какие?

– Габардин. И два – на женские пальто.

– Машина была у них?

– Пока не установлено.

– Кого убили?

– Директора магазина Гольдмана, он не хотел отдавать деньги.

– Смотри-ка, – искренне удивился Муравьев, – другой бы радовался да под это дело списал кое-что. Молодец.

Самохин смотрел на него и думал, как все же изменился этот человек. Муравьев говорил об убитом без тени горечи, словно не человека лишили жизни, а стекло разбили.

– Ну что же, – Муравьев усмехнулся, – давай сюда своих сыщиков, работать будем.

Данилов и Никитин

Они о случившемся узнали от начальника райотдела милиции Ефимова.

Он встретил их на вокзале. Данилов сразу же узнал его. Вспомнил, как этот высокий, ладный парень радовался, когда в сорок втором ему за ликвидацию банды братьев Музыка дали звание старшины и медаль «За боевые заслуги». Данилов встретил Ефимова через несколько месяцев, когда в январе сорок третьего его попросили прочитать лекцию на месячных курсах повышения оперсостава.

Ефимов был уже сержантом милиции², гордо носил два кубаря и советовался с ним по поводу угона военной автомашины.

И вот теперь майор. Начальник райотдела.

Ефимов, увидев Данилова и Никитина, подбежал к ним, радостно пожал руки.

– Иван Александрович, Коля...

Данилов подивился: откуда у Никитина такие короткие отношения с Ефимовым.

В райотделе Ефимов открыл ключом кабинет зама.

– Вот здесь и работайте, Иван Александрович.

– Нет уж, Виктор Петрович, я пока не зам...

– Это пока, Иван Александрович, – радостно улыбнулся Ефимов, – пока. Я уже с кадрами все оговорил. Там согласны. Через несколько дней утвердят вас, а я пока приказ издал. Вы – исполняющий обязанности.

* * *

Ночью Данилов проснулся от жажды. Во рту было сухо и погано. Встреча перешла в обед, а затем плавно в ужин. Потом их отвезли на квартиру. В чудесный домик недалеко от райотдела. В нем жила вдова бывшего начальника, старого знакомого Данилова, Плетнева. Плетнев погиб в сорок шестом, все на тех же проклятых торфозаготовках. Застрелил его из двустволки пьяный блатной.

Вот и пустила добрая женщина «погорельцев» к себе.

Все было хорошо в этом доме: и две комнаты, в которых они разместились, и отдельный вход, и палисадник, засаженный какими-то остро пахнущими цветами, и кусты акации и орешника у забора.

Данилов зажег свет и увидел, что на подоконнике в тазу с водой лежат три бутылки нарзана. Даже открывалку чьи-то заботливые руки не забыли положить. Он взял стакан, открыл скользкую бутылку, налил нарзан и выпил прохладный, жгучий напиток.

Погасил свет, сел к окну и закурил. Ночь уходила, но далекий еще рассвет уже размыл ее краски, и за окном клубилась сумеречная голубизна.

Десять лет назад здесь он потерял доброго Степу Полесова. Здесь они разгромили банду Музыки.

Кажется, что такое десять лет? Совсем немного. А сколько радости и горя принесли они ему. Закончилась война, и он, как и многие другие, искренне надеялся, что многое изменится в их жизни.

Конечно, в сорок седьмом прошла денежная реформа. Данилов хорошо помнит, как, приехав в Большой Кондратьевский на убийство, он увидел кучи выкинутых красных тридцаток. Долго еще московские пацаны играли старыми деньгами.

² Звание сержант милиции в те годы равнялось армейскому лейтенанту – *Прим. авт.*

В том же сорок седьмом отменили карточки, потом ежегодно, по весне, в газетах печатали сообщения о снижении цен. Дешевле становились хомуты и ситец. Хлеб обязательно делали более доступным. Да много чего было.

Десять лет, как один год. Погиб на фронте хороший парень – начальник райНКВД Орлов. А Кравцов, человек, спасший город от взрыва, работавший по заданию НКВД бургомистром, естественно, два года назад был арестован как чей-то там шпион.

Да, не о том они думали в мае сорок пятого. Не о том. Люди Абакумова по всей стране находили заговоры. Потом взялись за «безродных космополитов», потом...

Так что по здравом размышлении он пока еще хорошо отделался. Вполне мог загреметь как враг народа. А это значит – конец. Урки на этапе его бы замочили, как мента.

А в городок пришел рассвет. Первое утро в райцентре было пасмурным.

Данилов и Никитин

Первые два дня они, как на работу, ходили в спецкомендатуру, знакомились с делами уголовников, отправленных из Москвы в «зону сотку». В основном спецконтингент работал на кирпичном заводе, торфоразработках и в многочисленных совхозах и колхозах. Хозяйства все небогатые.

Когда председателем райисполкома был Кравцов, а первым секретарем впоследствии изгнанный из партии за потерю бдительности Васильев, район еще держался. Новое начальство, выдвинутое из местной номенклатуры, дело валяло, как могло, подменяя знания и опыт идеологической трескотней. Но для спецкоменданта такое положение стало сегодня выгодным. Рабочие руки были в цене, и бывших зэков пачками отправляли в колхозы.

Данилов, просматривая дела, встречал своих давнишних знакомцев, выселенных в «зону сотку». Здесь были и крупные воры-домушники, и знаменитый налетчик Сережа Сукно, король карманников Марьиной Рощи Коля Наперсток. В общем, всякого добра здесь хватало.

– Да, повезло, – засмеялся Никитин, – по авторитетному урке на один квадратный метр.

– А вы не тревожьтесь, товарищ майор, – вмешался в разговор оперативник из комендатуры, – они здесь не балуют. Здесь они тихие. В Москве промышляют, а некоторые в Ленинград ездят. Конечно, и по районным городам. А так народ они вполне тихий.

– Ну что же, – Никитин засмеялся весело, – это значит, пусть блатарь ворует, только не у меня. Что твои агенты говорят?

– Вот то же и говорят.

– Значит, ты считаешь, что они все перековались? Так, что ли? Ударниками стали?

– Кое-кто стал.

– Вот вы, младший лейтенант, – Данилов поднялся из-за маленького замначного стола оперчасти, – дали бы нам списочек этих людей.

– Мы на них опираемся, товарищ полковник.

– Я понимаю, но есть же такие, которые пока не работают с вами.

– В основном политические. Но они на особом учете в райМГБ.

– Ну что же, спасибо и на этом.

– Да о чем вы говорите, товарищ полковник. Только у меня одна просьба есть, – сказал опер.

– Какая?

– Если вы кого из наших заловите, позовите меня.

– Непременно.

– Вот спасибо. А то с прежним начальником розыска у нас понимания не было.

* * *

Спецкомендатура помещалась на окраине города, в приземистом одноэтажном домике, выложенном из темно-красного кирпича.

Видимо, владел им когда-то человек тщеславный, мечтавший оставить о себе память. Поэтому и выложил над дверями свои инициалы «Н.К.» и год «1905». Хороший был домик, а главное, конечно, сад. Огромный, заросший. Посмотришь, и кажется все декорацией к чеховской пьесе.

Посмотришь на красоту эту и никогда не подумаешь, что живет в этом прекрасном саду столь неприятное учреждение.

На углу Почтовой улицы рядом с ними остановилась «победа».

– Данилов! – крикнул кто-то из окна машины.

Данилов остановился.

– А ну-ка, подойди сюда.

Данилов пригляделся и увидел капитана с погонами госбезопасности, развалившегося на переднем сиденье.

– Вы меня ни с кем не перепутали, капитан?

– Я сказал – подойди, – рявкнул чекист.

– Потрудитесь выйти из машины, когда разговариваете со старшим по званию, – холодно ответил Данилов.

– Я начальник райотдела МГБ, – грозно произнес капитан.

– Вы для меня всего-навсего капитан.

– Ишь ты. – Капитан открыл дверцу. – Ты видел, Чепкин, – повернулся он к шоферу, – какие московские милиционеры гордые, а?

Он вылез из машины. Маленький, с короткими, толстыми ногами, на которых чуть не лопался хром сапог, собранных в гармошку. Он стоял перед Даниловым в расстегнутом кителе, засунув руки в карманы галифе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.